

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3 (2=Рус)

Ф 25

Фархетдинова Ф.Ф.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-экономических наук Бийского филиала Башкирского государственного университета, e-mail: flidaleo@mail.ru

**Феномен безумия как философская основа сближения романов
«Идиот» и «Мастер и Маргарита»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Проводится сравнительный анализ романов «Идиот» и «Мастер и Маргарита» с позиции общей для них темы безумия. Отмечается, что в романе Ф. Достоевского главный герой князь Мышкин признан больным официальной медициной, но идеалы, исповедуемые им, свидетельствуют о его духовной чистоте и здоровье, а у М.Булгакова безумие отчасти является условием метафизического прозрения героев. Выявлено, что обращение писателей к феномену безумия становится признаком кризисного мироощущения и способом поиска выхода из нравственного тупика.

Ключевые слова:

Ф.Достоевский, М.Булгаков, герой, безумие, мотив, христианство.

Farkhetdinova F.F.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Philosophy, Social and Economic Sciences, Biysk Affiliate of the Bashkir State University, e-mail: flidaleo@mail.ru

**Madness phenomenon as philosophical basis
of «Idiot» and «Master and Margarita» novels rapprochement**

Abstract:

The comparative analysis of «Idiot» and «Master and Margarita» novels is made from a position of a madness theme common for them. The author shows that in F. Dostoyevsky's novel the main character prince Myshkin is recognized with official medicine as the patient, but the ideals professed by him, testify to his spiritual purity and health. In the novel by M. Bulgakov madness partly is a condition of metaphysical enlightenment of heroes. It is inferred that the appeal of writers to a phenomenon of madness becomes a sign of crisis attitude and way of search for an exit from the moral deadlock.

Keywords:

F. Dostoyevsky, M. Bulgakov, hero, madness, motive, Christianity.

Достоевский и Булгаков – два величайших русских писателя, чье наследие стало достоянием вечности благодаря тому, что лейтмотивом всего их творчества является тема противоборства вселенского, метафизического добра и зла, что, безусловно, актуально в современном мире. Их произведения неоднознач-

ны, широки по охвату проблематики и порой предлагают парадоксальные решения. Одним из таких парадоксов представляется, на наш взгляд, развитие темы безумия как способа воплощения нравственного идеала в романах «Идиот» и «Мастер и Маргарита». Язвительная ирония авторов заключается в том, что публичное разоблачение сумасшествия героев оказывается для писателей моментом достижения желанной цели: обличение малодушия самих героев и членов того общества, в котором пребывают герои-безумцы.

Понятие «безумие» стало философско-культурологической категорией в контексте выхода книги М. Фуко «История безумия в классическую эпоху», в которой, рассуждая о безумии как о феномене культуры, автор говорил, что оно «символизирует собой ту тревогу и беспокойство, которые внезапно охватывают европейскую культуру в конце Средних веков. Безумие и безумец становятся важнейшими персонажами этой культуры — во всей своей двойственности: они несут в себе и угрозу, и насмешку, и головокружительную бессмыслицу мира, и смехотворное ничтожество человека» [1: 34]. При этом безумие трактовалось не только как предвестник конца света, оно воспринималось также и как знание, элемент некоего непостижимого, метафизического, сакрального смысла.

В романе Ф. Достоевского мотив болезни реализуется в метафорическом ключе. С самого начала князь открыто признается, что долгое время находился на излечении за границей. А на вопрос Рогожина «Что же, вылечили?» отвечает: «Нет, не вылечили» [2: 7]. И далее это признание князя становится «маской», позволяющей герою жить среди прочих «инкогнито». По справедливому замечанию И. Есаулова, «юрродство» делает Мышкина своего рода иностранцем — чужим — не только в Швейцарии либо в России, но и вообще в «здешнем» земном мире» [3: 95]. Окружающие, узнав о не-

дуге князя, строят свои отношения с ним, исходя из этого диагноза, считая князя неразумным и даже глупым, хотя на самом деле Мышкин не таков: его принимают не за «того», кем он является на самом деле.

Все попытки героев раскрыть тайну Мышкина венчаются их полной убежденностью, что князь — ненормальный. Рогожин после необычного разговора с ним заключает: «Ну, коли так... совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, Бог любит!» [2: 16], и Ганя при первой встрече называет Мышкина идиотом. Князь обезоруживает всех своей «готовностью <...> отвечать на все вопросы <...> без всякого подозрения» [2: 7]. Мышкин лишён самолюбия и гордости, и это отличает его от других персонажей романа. «Для чего же вы себя унижаете и ставите ниже всех? Зачем вы всё в себе исковеркали, зачем в вас гордости нет?» [2: 343] — спрашивает Аглая. Но именно отсутствие гордости и отличает Мышкина, святого в грешном мире; он и аристократам предлагает: «Станем слугами, чтоб быть старшинами» [2: 553].

К. Степанян замечает, что тема безумия отразилась в романе с особой силой и носит «ключевой характер, ибо выводит к основной его проблематике: о подлинной природе человека, о том, в каком случае он свободно следует Божьей воле, а когда — порой при внешнем «благообразии» — претендует на замещение собой Творца, на человекобожие» [4: 138].

Образ идиота становится своеобразным лакмусом для общества, в которое попадает князь: «Суждения других о Мышкине как об идиоте свидетельствуют не столько об идиотизме Мышкина, сколько о человеческих недостатках и ограниченности взглядов судящих» [5: 136]. И если Варвара Иволгина правильно говорит, что «он, на глазах всех, идиот» [2: 471], это означает, что не все выдерживают данное испытание. Чем лучше человек, тем более чутко он отзывается на духовную красоту главного героя. От стра-

ницы к странице читатель видит, как меняется отношение людей к князю. К примеру, Ганя, назвавший Мышкина вначале идиотом, меняет свое мнение: «И с чего я взял давеча, что вы идиот! Вы замечаете то, что другие никогда не заметят. С вами поговорить бы можно» [2: 124].

Исследователь В.Сердюченко отмечает: «Идиотская» правда Мышкина представляется таковой лишь его прагматическому окружению. «Чудаки», «блаженные», «юродивые», «отверженные», «нищие духом» на страницах Достоевского не исключение, но определенный и беспрерывно воспроизводимый архетип человеческого сознания-поведения как поведения внутренне чуждого и по своей этической сущности бесконечно превосходящего общепринятый кодекс нравственных норм» [6]. Мышкин – один из тех героев Ф. Достоевского, на которого волей автора возложена роль мессии, «это мечтатель пророческого типа, который несет в мир истину о «крае на земле» [7: 373].

В ряде случаев композиция романа напоминает жанр жития [8: 24], повествуя о жизни святого, кроме того выявляется ассоциативная параллель с библейским текстом. Она прослеживается в том, что понятие юродства применялось и по отношению к Христу: «Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божьей, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» [9: 1:21], его называли сумасшедшим не только недоброжелатели, но и родные: «его родственники <...> пошли забрать его, ибо говорили: «Он сошел с ума». Книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили: «В нем Вельзевул, и он изгоняет демонов с помощью демонов» [Мк. 3: 21-22].

«Идиот», – по справедливому замечанию Назирова Р.Г., – такое же обвинение действительности. Мотив прозрения трансформирован в гениальную интуицию князя Мышкина» [10: 114]. Признанный больным медициной и обществом, Мышкин оказывается здоров духовно, по-

тому что в нем есть «главный» ум [2: 430], в отличие от здоровых внешне, но больных изнутри эгоизмом, честолюбием, гордыней. Литературовед В. Ермилов отмечает: «Его болезнь не мешает, а, наоборот, помогает его душевной ясности и превосходству над здоровыми» [11: 21]. Не случайно, что и сам князь о припадках говорит так: «Да за этот момент можно отдать всю жизнь <...> Что же в том, что это болезнь?.. – какое дело до того, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией?» [2: 228].

Столь же парадоксальная трактовка темы безумия становится возможной и в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита». Говоря о ней, литературовед Р.Назирова отмечает, что в начале XX века фабула о безумце «стала вполне банальной, и все же ее блестяще актуализировал Булгаков, введя как побочную линию в роман «Мастер и Маргарита» [12: 33]. Произведение начинается с того, что председатель МАССОЛИТа Берлиоз доказывает молодому стихотворцу Ивану Бездомному, будто Христос никогда не существовал. По сути, Берлиоз убеждает своего собеседника в том, что Бога нет и быть не может. Последствия этого разговора для Бездомного оказываются весьма плачевными, т.к. он становится очевидцем гибели Михаила Александровича и попадает в клинику для душевнобольных. Именно здесь героя постигает прозрение – встреча с Мастером, знакомство с его романом заставляет Бездомного понять свою бездарность и необходимость отказаться от «стихоплетства». Характерно, что и пристанищем Мастера становится психиатрическая клиника, куда он попадает не по своей воле. С одной стороны, этот сюжет отсылает нас к теме советской действительности с ее огромным множеством «психушек», где находились неугодные власти люди, с другой стороны, демонстрирует, что гений нередко воспринима-

ется как безумец, а душевные ориентиры, по которым он живет, недоступны толпе и воспринимаются ими как безрассудство.

В итоге, выйдя из клиники Стравинского, Иван Бездомный превращается в сотрудника Института истории и философии Ивана Николаевича Понырева. В отличие от князя Мышкина, который признается, что не вылечился, Понырев уже здоров. Однако один раз в год, во время весеннего полнолуния, безумие охватывает героя. Он снова встречается с Мастером и героями его романа – Иешуа Га-Ноцри и Понтием Пилатом. И тогда его вновь начинают мучить вопросы, некогда беспокоившие Мастера, до сих пор терзающие Пилата. Он просит поклясться, что «пошлой казни» [13: 431] не было, и «молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом» отвечает: «... тебе это померещилось. <...>Клянусь» [13: 431]. Недуг является кульминацией душевных сомнений и терзаний героя.

Безрассудство, исключающее здравый смысл, в произведении становится самым правильным способом к познанию сокровенных тайн бытия – истинное озарение героев наступает именно в клинике Стравинского. В конечном итоге, главный герой – Мастер – сочетает в себе черты не только Иешуа, но и Понтия Пилата, так как он отрекся от своего детища, подобно Пилату, предавшему Иешуа. И наказание в каждом из случаев не заставило себя ждать. Отречение от романа соизмеримо отречению от истины, и влечет за собой вечные муки в поисках душевного спокойствия и осознание своего малодушия как самого ужасного порока. Именно это и связывает творца и героя его романа.

Мастер и Бездомный на самом деле больны, но лишь потому, что окружающие не поверили их правде. В главе «Поединок между профессором и поэтом» врач пытается влиять на Ивана доводами о том, что если он выпустит Ивана, то никто не поверит рассказам о Консультанте, и милиция немедленно вернет поэ-

та в больницу. Мастер в разговоре с Иваном говорит о присущей ему «чертовой странности» [13: 158].

По воле автора, пребывая в безумии, поэт получил исцеление от атеизма, услышал правду о Иешуа, достиг истины. М.Булгакову тем самым удалось обновить давнюю фабулу. Отрицание безбожия, атеизма, неверия – это то, что сближает его с Достоевским. Последующее развитие событийной линии свидетельствует, что даже с позиции сатаны безбожие является страшным грехом, и Берлиоз, и Иван Бездомный за него заплатились, первый – небытием, второй – безумием. И безумие в данном случае имеет дуальную природу: с одной стороны, это кара, а с другой, это момент истины. Вера по Булгакову лучше безверия. Не случайно рефреном в произведении идет восклицание: «О боги, вы боги!», которое может свидетельствовать о многообразии представлений человека о божественном. И, несмотря на то, что осмысление христианства Ф.Достоевским и М.Булгаковым происходит по-разному (для Ф.Достоевского православная религия является основой его философских идей, для М.Булгакова христианство становится одним из способов духовных исканий человечества), писатели ясно понимают важность христианства как прекраснейшей этической концепции, воплощающей в себе идеи добра, любви и всепрощения. Образ Ивана Бездомного крайне важен в романе потому, что он, в отличие от остальных героев, остается на Земле. Испытания, выпавшие на его долю, были вызваны не встречей с дьявольскими силами, а с хаосом, господствующим в его сознании, как и в сознании людей XX века.

В финале романа образ Ивана Бездомного становится символом надежды на истину. Его так же тянет к мастеру и Иешуа, его томит болезненная, непонятная тоска, пробуждающая в нем воспоминания о долге, о грехе, а возможно о чем-то утраченном. Он отправляется в метафорический путь в поисках истины, по-

стичь которую не дано людям. Это сложная дорога, требующая колоссальных усилий духа и сознания. В связи с этим автор проводит ассоциативные параллели от «единственного ученика» Мастера к Христу и Его ученикам, сравнивая Ивана с Левиим Матвеем.

Чутко реагируя на все изменения в социокультурной среде, писательский

дар становится мощным инструментом нравственно-философской рефлексии общества. Справедливо утверждать, что появление двух великих русских романов Ф.Достоевского и М.Булгакова было требованием времени, а обращение писателей к феномену безумия стало маркером кризисного мироощущения и стремления выйти из нравственного тупика.

Примечания:

1. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
2. Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Достоевский Ф. Собр. соч.: в 15 т. Т. 6. Идиот. Л.: Наука, 1989. 670 с.
3. Есаулов И. «Родное» и «вселенское» в романе «Идиот» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. № 17. С. 92-101.
4. Степанян К. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 137-162.
5. Ху Сун Вха Положительно прекрасный человек (тайна князя Мышкина) // Русская литература. 2001. № 2. С. 132-146.
6. Сердюченко В. Мышкин и Рахметов как ипостаси Спасителя-Христа // Достоевский и Чернышевский. Единство крайностей. М.; Львов, 1999. URL: <http://almam.com.ar/statyi/M.yR.htm.html>
7. Гаричева Е. Тема безумия в творчестве Достоевского и Полонского // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. № 18. С. 359-374.
8. Камельянова Ф.Ф. Преломление жанра жития в романах Ф. Достоевского «Идиот» и Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2010. Вып. 3. С. 23-27.
9. Первое соборное послание Св. Апостола Павла к Коринфянам 1:21.
10. Назиров Р.Г. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 103-116.
11. Ермилов В. Ф.М. Достоевский. М.: Гослитиздат, 1956. 385 с.
12. Назиров Р.Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1995. 46 с.
13. Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Самара: АБС, 2001. 528 с.

References:

1. Foucault M. History of madness during the classical era. SPb.: University book, 1997. 576 pp.
2. Hereinafter the text of the novel is quoted according to the edition: Dostoyevsky F. Coll. of works: in 15 v. V. 6. The Idiot. L.: Nauka, 1989. 670 pp.
3. Esaulov I. «Native» and «universal» in the novel «The Idiot» // Dostoyevsky: Materials

- and researches. SPb.: Nauka, 2005. No. 17. P. 92-101.
4. Stepanyan K. Feeble-mindedness and madness, death and resurrection, being and non-existence in the novel «The Idiot» // F.M. Dostoyevsky's novel «The Idiot»: the current state of studies. The collection of works of domestic and foreign scientists / ed. by T.A. Kasatkina. M.: Nasledie, 2001. P. 137-162.
  5. Khu Sung Vkha A positively beautiful person (the secret of Prince Myshkin) // Russkaya literatura. 2001. No. 2. P. 132-146.
  6. Serdyuchenko V. Myshkin and Rakhmetov as hypostases of Christ the Saviour // Dostoyevsky and Chernyshevsky. The unity of extremes. M.; Lviv, 1999. URL: <http://almam.com.ar/statyi/M.yR.htm.html>
  7. Garicheva E. The theme of madness in the works of Dostoyevsky and Polonsky // Dostoyevsky: materials and researches. SPb.: Nauka, 2007. No. 18. P. 359-374.
  8. Kamelyanova F.F. Interpretation of the genre of life in F. Dostoyevsky's novels «The Idiot» and B. Pasternak's «Doctor Zhivago» // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2010. ISS. 3. P. 23-27.
  9. The first general epistles of St. Apostle Paul to the Corinthians 1:21.
  10. Nazirov R.G. Story about wisdom of a madman in the Russian literature // Nazirov R.G. Russian classical literature: comparative historical approach. Researches of different years: coll. of articles. Ufa: RIO BashGU, 2005. P. 103-116.
  11. Yermilov V. F.M. Dostoyevsky. M.: Goslitizdat, 1956. 385 pp.
  12. Nazirov R.G. Pushkin and Gogol's traditions in Russian prose. The comparative history of plots: Diss. abstract for the Dr. of Philology degree. Yekaterinburg, 1995. 46 pp.
  13. Hereinafter the text of the novel is quoted according to the edition: Bulgakov M.A. Master and Margarita. Samara: ABS, 2001. 528 pp.